

Надежда
Чернова

ДОБРОЗЛО

ТАНЕЦ МАКОВ

В маках глиняная крыша,
 И на юбке мак стозевный,
 Словно бы на солнце вышел
 Из глубин огонь подземный!
 Всё весенним зноем дышит
 И огню кладёт поклоны.
 Пляшет девочка на крыше –
 Раскрываются бутоны.
 Танец магов и дервишей,
 Вспыхнул он протуберанцем.
 Пляшет девочка на крыше,
 Жизнь приманивая танцем.
 Чтоб Творец взглянул с любовью,
 Ударяет в бубен звонко.
 Для чего платить нам кровью
 Человека и ягнёнка?
 Бубен – звонче, солнце – выше,
 И нужна для счастья малость:
 Этот маков цвет на крыше
 Да ко всякой жизни жалость.

* * *

Степной дорогой
 Млечный путь пылился,
 И высекали звёзды скакуны.
 Мой род служивый – он в седле родился,
 Но не люблю я розни и войны,
 Вот только сны...
 По травам бездорожий
 Летят в бараньих бурках казаки.

Кровавый бой! Победы гром!
 И всё же
 Тот победит, кто не острит клинки,
 Кто столкнуться полюбовно может,
 Кто меч не вынет из старинных ножен,
 Преломит хлеб и воск медовых сот –
 Судьба за это род его умножит,
 И у соседа приумножит род!
 Взойдёт овёс. Заколосится рожь.
 И табуны – от края и до края –
 Пойдут, густые травы пригибая,
 И столько их – за век не перечесть.
 Ах, если б так!
 Но это золотая
 Мечта веков и сказка стариков...

* * *

То мрак на сердце, то светло.
 Поёт щегол беспечно.
 И Светотьму, и Доброзло
 Несём в себе извечно.
 Пройдут года и времена.
 Добра пробьются семена
 Сквозь нас в начале мая.
 Когда б не девочка Весна,
 Босая, глупая Весна:
 Ведь чашу Зла возьмёт она
 И нас польёт, играя...

ЛАСТОЧКА

Нам ли судить и рядить о былом?
 Суд состоялся – земной и небесный:
 Стало былиной, легендою, песней
 То, что Добром называли и Злом.

Нам ли читать приговоры другим?
 Тут бы с собой разобраться сначала,
 Ведь с колыбели нас Время качало
 Между грехом и порывом благим.

Нам ли судить: кто был прав, кто не прав,
 Если ошибки печальные множим?
 Только лишь ласточка замысел Божий
 Славит средь нив и зелёных дубрав!

* * *

Жизнь состоит из мелочей –
Из Бытия и быта.
Сияет небосвод ничей,
И тьма имён забыта.

Идём по кругу – день за днём.
Один другого судит.
Но от себя – к себе придём,
И встреч других не будет...

* * *

Луна вполнакала горит,
И звенит
Иголками звёздными тишь.
Слеза по реснице неслышно скользит,
Как лодочка через Иртыш.

Но так хороша за окном тишина –
Прекраснее музыки нет!
Плыву я за нею, не чувствуя дна,
Сквозь ночь –
На сияющий свет.

Вся боль, словно соль,
Растворилась легко
В созвучьях, что были до слов,
Когда ещё горлом текло молоко,
И яда не ведало Зло...

* * *

Зелёные степи и доли,
Но вдруг – и пустыня, и соль.
Всё реже приходят глаголы.
Всё чаще сердечная боль.

Печали. Потери. Распылы.
Холодная горечь в крови.
Всё меньше для радости силы.
Всё больше тоски по любви.

Хватило бы жизни, хватило
На то, что уйдёт без следа.
Всё дальше дневное светило.
Всё ближе ночная звезда...

* * *

В. А.

В окно звездой зелёной светишь.
Скажи, откуда этот свет?
Ты поглядишь – и не ответишь,
Но на стекле оставишь след.

Твои следы – они повсюду:
И на песке, и на воде.
Но где ты сам?

Искать я буду –
И не найду тебя нигде...

СОЛЯНЫЕ СТОЛПЫ

На целый город – праведник один,
И тот в жене наказан небесами.
Не растопить ни лотовых седин,
Ни столп из соли,
вставший над холмами.

Всё потеряв, идёт и плачет Лот,
Наедине с суровою судьбою.
Но, видно, лучше был тогда народ,
Чем в новый век, где мы живём с тобою.

Всё тот же грех содомский, и в ответ
Огонь и смерть, и вихри ледяные,
Но для спасенья праведника нет –
Одни столпы маячат соляные...

НЕБЫЛИЦА

Как всякой жизни и самой Вселенной
Тончает нить, теряя с Богом связь,
Так и любой народ благословенный
Сойдёт на нет, мельчая и дробясь.
Уж не о том ли эта небылица? –
Степному хану на исходе лет
Виденье было:
льстивою лисицей
Однажды стал высокородный лев,
И жадным волком стал,
И мышью малой,
И пауком из тёмного угла,

Покуда вовсе плоть его не стала
Ничтожной пылью под ногой осла...
Но, может, сказ не о конце народа –
Он о тебе?
Ты алчен и жесток,
И потому, мельчая год от года,
Однажды превращаешься в песок...

ОХОТНИК

Наёмник и снайпер – охотник новейших времён,
Убийство людей он зовёт по-простому – работа.
А горы прекрасны!
И в маках полуденных склон,
И птицы поют, и торопятся мёдницы к сотам,
И змеи на скалах чешуйчатый греют живот,
И голуби мчатся на площадь за крошками хлеба –
Всё смерть отрицает, хоть рядом со смертью живёт,
Под пристальным оком Судьбы и высокого неба.
Стрелок, попотевши и порцию крови пролив,
Завалится спать или фляжку хмельную осилит.
Затянет станица молебна печальный мотив –
Вот так же и сербы на мёртвых полях голосили,
Так выли арабы, в зелёных повязках на лбу.
Дымились руины их древних святынь, остывая:
Они пережили и дротиков метких пальбу,
И гром колесниц, но душа оставалась живая.
Теперь – только пепел...
Наёмник на небо глядит –
Горит Вавилон, и страницы времён бередит,
И облаком грозным сгущается лик Гильгамеша,
А в скорбных руинах старик, и безумен, и дик,
Поёт о веках, где с любовью огонь перемешан.
Но сердце не дрогнет, хоть сердце у снайпера есть:
Обычные будни его боевого расчёта.
Его призывает не боль вековая, не месть,
Не праведный гнев,
А холодное слово – работа...

ЗАРЯНКА

Зарянка плачет на заре
В зелёном поле порубежий.
Гнездо пылает на горе.
Земля черна от крови свежей.

В российских каменных церквах
Плач поминального страдания;
И на украинских холмах
И матерей, и вдов рыдания.
Что им, кто прав, кто виноват,
Когда их мальчики лежат
В могилах тесными рядами –
Убивший брата кровный брат?
Одна беда под небесами...

Овсянка прячется в овсе.
Зарянка плачет в спелом хлебе.
Живые виноваты все,
А с мёртвых спросится на небе.

* * *

Лист кленовый.
Прутик тонкий.
В гильзах стреляных земля.
Во вчерашние воронки
Посадили тополя.
И покажется в деревне
Бабке старой на печи:
В чистом поле – не деревья.
«Не деревья! – закричит, –
Лили слёзы горевые,
Отмолили у Судьбы:
Мужики идут живые –
Вьются по ветру чубы!»

ВОСПОМИНАНИЕ

Брату и сестре

Что было – никто не отнимет вовеки:
На улице нашей весенние реки –
Иртыш возвращался из тёмных глубин.
По улице нашей, по жилистой жиле
Когда-то купецкие баржи ходили –
То с лесом таёжным, то с хлебом долин,
И прятались в ямах, в таинственном иле
Боярыня-стерлядь да язь-господин.

Река, что свои рукава растеряла,
Потом их вернула, и улица стала
Песчаной, обычной, привычной для глаз.

А помните, как мы седлали заборы?
А игры? А наши семейные сборы?
Мы едем в Баян!
Был поход через горы,
И озеро, вдруг ослепившее нас!

А в спелой клубнике лесные поляны?
А бабушкин рыбник? А скал караваны
За древней, из брёвен звенящих, избой?
Рассказы отца о чудесных явлениях,
И тут же – гроза! И в коротких мгновеньях
Сверканье огня – небожителей бой!
Там сабли казачьи над степью взлетали,
Там шрамы небесную твердь рассекали,
Там все, кто погиб, возвратился с грозой!

А ночь на бахче, рядом с лесом сосновым,
Арбузы, огромное шара земного?
А шумный базар, петушки-леденцы?
И снова – весна, половодье, скворцы!

ДОЖДЬ В БАЯНЕ

Всюду бабушке чужбина,
Лишь в Баяне хорошо!
У зелёного у тына
Дождь-казак легко прошёл.

Дождь кудряв – идёт с гармошкой,
Ждут его друзья-дожди.
Он играет понарошку,
Разойдётся, погоди!

Песня ливнем литься станет,
Проливаться через край.
Дождь – знакомец бабы Тани,
Обещал зайти на чай.

Выпьет чай – попросит пива,
И подмигивать игриво
Станет бабушке моей.
Но недолго песня пелась –
Баба Таня раскраснелась,
Его выгнала взащей!

Дождь совсем не огорчался:
Он в окошко постучался

К юной девушке:
«Открой!
Что тебе скучать-томиться,
Словно запертая птица?
Выходи плясать со мной!»

Хлещет ливень над лесами,
Над Баяном ливень льёт.
Пляшет девушка босая
У распахнутых ворот.
Майский дождь ей только в радость,
Хоть и вымокла она.
Скажет бабушка:
«Эх, младость...
Веселись, пока весна!»

ТОЛМАЧ

Петру Бутакову

1

Несётся конь каурый вскачь,
А может, конь и пегий –
Неважно!
Едет в Степь толмач,
Чтоб прекратить набеги,
Чтоб столковаться за столом,
Наполнив чаши кумысом,
О замиренье с ханом.
Послушный конь под толмачом,
А раньше – был буйном!

Толмач наш родом Бутаков,
Из стародавних казаков,
На Иртыше родился.
Он предок мой. Он был учён.
Он знал язык степных племён.
Он на степных красивых жён
И на девиц дивился.

Толмач летит в Баянаул.
Уже он слышит гам и гул:
Вот-вот случится бедам!
Толмач – тамыр и дипломат.
Он знает вековой уклад
Немирного соседа.

Толмач – хитрец,
Толмач – мудрец:
С ним едет лекарь, и купец
Везёт в аул товары.
И вот уже летят гонцы –
Разносят весть во все концы,
И петь готовятся певцы,
И пышут самовары,
И в каждой юрте ждут гостей –
Посольский поезд едет в Степь
С хорошими дарами.
Уже другой и шум, и гам,
Уже забыта злость к врагам –
И режутся бараны.

Ни кнут, ни пуль кровавый ад
Степной народ не укротят,
Зато всесильно Слово –
Об этом знает наш толмач.
Перетолкуй, переиначь
И гнев согни подковой,
Чтобы смирился злой огонь,
Согрел и сердце, и ладонь,
И гордых женщин лики.

Светильник глиняный горит.
Младенец тихо в люльке спит –
В раскрашенном бесике.

2

Пройдут века, сверкнув лучом
Рассветов и закатов.
Я стану тоже толмачом,
Как предок мой когда-то.
Чист, как родник, язык в строке –
Перевожу поэта,
Чтобы на русском языке
Степное пело лето.

*Бурого я стригунка берегу.
Нет у него ни звезды, ни тавра –
Нет переправы в глубоком логоу.
Выведут в степь, на приволье ветра!
К месту стоянки любимой моей
Я доскачу на лихом скакуне –
Пусто вокруг, только ветры полей
Вихрем взвивают золу на песке,*

*Только вздыхает сухое быльё...
Кто тебя, милая, тайно увёз?
Месяц полночный, сердце моё,
Сердце в груди захлебнулось от слёз...*

Был храбрым воином поэт.
В судьбе его различья нет
С лихой судьбой казацкой:
Он так же спал, когда был жив,
Седло под щёку подложив,
У речки азиатской;
Как и казак, он кочевал.
Шумел травы девятый вал –
Синь-океан полынный...

В походной юрте чай густой.
Ведёт и хитрый, и простой
Свой сказ певец былинный.
Там распри и набегов плач,
Огня взметнувшийся кумач
От молнии мгновенной –
Запишет все слова толмач
Поэмы вдохновенной.

Ещё там скачки круговерть,
Ещё любовь,
И жизнь, и смерть,
И с беркутом охота.
Лисица, волк и горностаи,
И клики лебединых стай,
Что в Степь летят без счёта.

3

Толмач пришёл сюда с добром.
И оживают под пером
Весенний день, весенний гром,
Весенний дождь разгульный,
Восторгом вспыхнувшая ночь –
В станичную, казачью дочь
Влюблён джигит аульный.

Глаза раскосы, смугловат,
Пылает соколиный взгляд,
И в каждом слове – пламя,
А дочь казачья – весела,
Хоть брови строгие свела
Грачиными крылами,

Хоть зябко повела плечьми,
Когда накинул шаль: «Возьми!»
В цветах, из кашемира,
С кистями радужными шаль –
Цвела на ней кочевий даль
До самых гор Памира.

Сначала бушевал народ,
Грозил, что грешников убьёт,
Но мудрый хан ответил:
«Мы рядом с русскими живём.
Хоть под копьём, хоть под ружьём,
Влюбляться будут дети:
В казачек – наши степняки,
В кызымок наших – казаки.
Таков закон на свете!
Смиритесь! Что попишешь тут?
Ведь это не чума, не джут –
Любовь, что правит миром!
Коль полюбили – пусть живут.
Пора заняться пиром!»

4

Ликует и звенит струна!
Перевожу бег скакуна
С горячей, вольной кровью.
Уже по край строка полна...
Кончалась свадьбами война.
Скреплялся мир любовью.

Вражда – бездушна и слепа.
Любовь – к чужим сердцам тропа.
Не кровоточит рана.
Лепёшка есть и есть сорпа.
Есть новый род – Орыс-апа,
В Степи, у скал Баяна...

ТАНЕЦ ЖИЗНИ

К трудам привыкший терпеливым,
Писал мудрец:
«Не унывай!
В минуты блага – будь счастливым,
Во дни несчастий – размышляй...»
Спокойна плоть, угасли страсти,
А мысль – по-новому остра,

Хотя трагедий и несчастий
Теперь не больше, чем вчера,
Но он давно забыл о благе –
Он слышал гул грядущих бед,
А за окном, хмельной от браги,
В тростник зелёный дул сосед.
Под дудку девочка плясала –
От красных юбок веял зной,
И голубое покрывало
Дышало морем за спиной.
Звенели, сблизившись, браслеты
На двух запястьях молодых.
И в жизни путались приметы
Невзгод и радостей земных.

